

Тynu40k
Goblina

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ

РАЗВЕД ОПРОС

ИГОРЬ ПЫХАЛОВ

ФИНЛЯНДИЯ

ГОСУДАРСТВО
ИЗ ЦАРСКОЙ ПРОБИРКИ

Разведопрос

Игорь Пыхалов

**Финляндия: государство
из царской пробирки**

«Питер»

2019

УДК 94(480)
ББК 63.3(4Фин)

Пыхалов И. В.

Финляндия: государство из царской пробырки / И. В. Пыхалов —
«Питер», 2019 — (Разведопрос)

ISBN 978-5-4461-1289-0

История русско-финских отношений насчитывает свыше тысячи лет, со времен Новгородского княжества. Согласно старательно культивируемому сегодня либеральному взгляду на историю, и Российская империя, и Советский Союз постоянно угнетали жителей Финляндии – попирали их конституцию, вели политику русификации. Однако историческую память нужно регулярно освежать. Именно власти царской России заложили основы будущей финской государственности и создали все необходимые ее структуры. За это нас отблагодарили расстрелами русского населения в Выборге в 1918 году и концлагерями в оккупированной Карелии во время Великой Отечественной. Книга Игоря Пыхалова, автора бестселлеров «Великая оболганная война» и «За что Сталин выселял народы», посвящена истории русско-финских отношений со времен Новгородского княжества до Второй мировой войны.

УДК 94(480)
ББК 63.3(4Фин)

ISBN 978-5-4461-1289-0

© Пыхалов И. В., 2019
© Питер, 2019

Содержание

Предисловие	6
Предисловие автора	7
Глава 1	8
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Игорь Пыхалов
Финляндия: государство
из царской пробирки

© ООО Издательство «Питер», 2019

© Серия «РАЗВЕДОПРОС», 2019

© Дмитрий GOBLIN Пучков, 2019

© Пыхалов И. В., 2019

Предисловие

Финляндия. Хорошо знакомая соседняя страна. Казалось бы, зачем писать ещё одну книгу по истории российско-финляндских отношений? Их общая картина и так всем известна. Если ты не специалист-историк, наверное, можно ограничиться путеводителями и рассказами экскурсоводов?

Беда в том, что в этой картинке, которая «всем известна», явно недостаёт важных деталей. Стоит лишь взглянуть на неё внимательней, как сразу возникают неудобные вопросы. Например, считается, что ещё в царское время у Великого княжества Финляндского была своя конституция. А кто и когда её принял? И где можно ознакомиться с её текстом?

Почему Карельский перешеек оказался в составе независимой Финляндии, хотя ещё Пётр I присоединил Выборг к Российской империи?

Все приличные люди «знают», что в Великую Отечественную войну финская армия остановилась на старой советско-финской границе. Каким же образом тогда финские войска оказались в Петрозаводске?

Могла ли маленькая Финляндия угрожать огромному СССР? Ключевое слово здесь «маленькая». Стоит его произнести, и уже можно глумливо хихикать. Между тем в 2008 году маленькая Грузия атаковала российских миротворцев в Южной Осетии. И это вовсе не смешно. Да и Япония в 1904 году была в три раза меньше России по населению. В международной политике случается всякое. Особенно если у маленькой страны за спиной стоит «большой дядя».

Чтобы разобраться, кто прав в споре между соседями, надо знать и изучать историю. Книга Игоря Пыхалова, которую вы держите в руках, подробно рассказывает, что же происходило на территории нынешней Финляндии последнюю тысячу лет, со времён Новгородского княжества до Второй мировой войны.

Оказывается, именно когда Финляндия входила в состав нашей страны, властями Российской империи были созданы структуры будущего финского государства. За это нас сполна отблагодарили расстрелами русского населения в Выборге в 1918 году и концлагерями в оккупированной Карелии во время Великой Отечественной. В советское время об этом говорить было не очень принято. И, наверное, зря. Историческую память надо освежать регулярно.

Сегодня в статьях и книгах нередко можно встретить непроверенную информацию. Игорь Пыхалов всё время ставит сноски, откуда взяты те или иные сведения. В популярной литературе такое встречается нечасто, обычно это присуще научному тексту. Однако автор избегает другой крайности – не впадает в академизм. Книга написана понятным языком и легко читается. Настоятельно рекомендую к прочтению.

Дмитрий Goblin Пучков

Предисловие автора

Согласно старательно культивируемому сегодня либеральному взгляду на историю России, наши предки только и мечтали, как бы поработить кого-нибудь из соседей. И Российская империя, и Советский Союз постоянно угнетали нерусские народности.

Почётное место в списке униженных и оскорблённых русскими варварами занимают жители Финляндии. Несчастные финны свыше ста лет невыразимо страдали под гнётом самодержавия. При этом российские власти постоянно попирали их конституцию и пытались насильно русифицировать.

Отбыв срок в царской «тюрьме народов», Великое княжество Финляндское наконец-то добилось независимости. Но не тут-то было! Восточные соседи не унимались, мечтая лишить финнов обрётённой свободы. И хотя предпринятая в 1939–1940 годах попытка поработить маленький, но гордый финский народ провалилась, Финляндия была вынуждена отдать русским оккупантам лучшую часть своей территории.

Разумеется, пострадавшие от «советской агрессии» имели полное право на реванш:

«Ведь ситуация была совершенно очевидная. Именно мы толкнули социал-демократическую Республику Финляндия в объятия Третьего рейха. Мы вначале, в ноябре 1939 года, на неё напали. А если внимательно рассмотреть историю того, как Финляндия оказалась во Второй мировой войне на стороне Германии, как 26 июня 1941 года она вынуждена была объявить нам войну, то мы увидим, что это было ответом на действия Красной Армии», – без зазрения совести вещает в эфире «Радио Свобода» «историк и режиссёр-документалист» Виктор Правдук¹.

Невзирая на это, во время Великой Отечественной войны командовавший финской армией маршал Маннергейм проявил истинно рыцарское благородство, отказавшись наступать на Ленинград с севера и тем самым спас город на Неве от неминуемой гибели.

Такова история русско-финских отношений с точки зрения либеральной мифологии, упорно пытающейся внушить нам комплекс вины, заставить каяться.

Если верить всем этим сказкам, становятся возможными самые дикие и нелепые выходки вроде позорной эпопеи с установкой в Петербурге 16 июня 2016 года мемориальной доски «генералу русской армии» Карлу Густаву Маннергейму – одному из соучастников установления блокады Ленинграда, союзнику Гитлера и организатору геноцида на оккупированной территории советской Карелии. К счастью, не все жители города на Неве утратили историческую память. Благодаря их протестам четыре месяца спустя доску демонтировали.

Чтобы избежать таких ситуаций, надо знать и изучать события своей истории. Иначе так и будем утираться, каяться и посыпать головы пеплом.

Давайте разберёмся, как же всё было на самом деле.

¹ Передача от 25 июня 2016 года, см.: <http://www.svoboda.org/a/27819192.html>

Глава 1

Между Новгородом и шведами

*По миштым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца.*
А. С. Пушкин. «Медный всадник»

Слова великого русского поэта достаточно точно отражают реалии первых столетий финской истории. В начале второго тысячелетия новой эры территория нынешней Финляндии представляла собой весьма унылое зрелище. Большая её часть, лежащая севернее линии Пори – Тампере – Миккели, фактически оставалась незаселённой, если не считать кочевавших там малочисленных племён лопарей (саамов)². Что же касается предков нынешних финнов, то им принадлежал лишь юг страны: на юго-западном побережье жило племя сумь (suomi), внутренние области южной Финляндии населяло более многочисленное племя емь (häme). Из слияния этих племён впоследствии и сложился финский народ.

Собственного государства эти народности не имели. В XI–XII вв. в Финляндии ещё господствовал первобытно-общинный строй. Правда, этот строй переживал уже свою последнюю стадию, стадию патриархального рода. К XII–XIII вв. в Финляндии уже существовало патриархальное рабство³, а её жители были не прочь пограбить своих соседей. Как правило, сумь совершала грабительские набеги на земли Швеции, емь – на русские земли, подвластные Новгороду. «*Приидоша Емь и воеваша область новгородскую*», – такие записи нередко встречаются в русских летописях⁴. Впрочем, подобные нападения нередко заканчивались разгромом вторгшихся отрядов еми, после чего следовали ответные меры новгородцев.

Господствовавшая в СССР идеология «пролетарского интернационализма» предписывала заменять национальный подход классовым. Поэтому не стоит удивляться, встречая в советской исторической литературе, особенно вышедшей в первые десятилетия советской власти, утверждения, будто грабежами занимались лишь отдельные «*разбойничьи и пиратские шайки еми*», в то время как основную массу этого народа составляли мирные труженики:

«Было бы однако неправильным отождествлять пиратов еми, как бы ни были они многочисленны, с емью вообще. Емь, как и карелы, в массе были земледельцами, охотниками и рыбаками»⁵.

Сегодня подобные идейные установки сменились ещё более порочной пропагандой общечеловеческих ценностей. «*Преступность не имеет национальности*», – с пафосом заявляют доморощенные российские либералы, однако, встретив толпу цыган, норвят поскорее перейти на другую сторону улицы.

Не стоит подходить с современными мерками к людям, жившим тысячу лет назад. Образ жизни предков нынешних финнов не слишком отличался от обычаев и привычек многих других народностей, стоявших на той же стадии развития. И уж тем более не стоит осуждать наших предков, которые не стеснялись использовать язык грубой силы для вразумления беспокойных соседей. В 1042 году сын Ярослава Мудрого князь Владимир Ярославич ходил войной на емь.

² Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 27. М., 1977. С. 448.

³ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 21.

⁴ Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. СПб., 1911. С. 16.

⁵ Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 87.

Поход окончился победой, емь была обложена данью⁶. В составленном около 1113 года Введении к русской Начальной летописи емь названа в числе племён, плативших дань Руси⁷. Весной 1123 года новгородцы во главе с князем Всеволодом вновь воевали с емью и победили её⁸. В уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1137 года при перечислении доходов с различных местностей Новгородской земли емь также упомянута в числе новгородских данников⁹.

Впрочем, власть Новгорода была не слишком обременительной. В отличие от западноевропейских государств, требовавших от покорённых племён поголовного крещения в католическую веру, особых податей для католической церкви, передачи церкви земельных угодий, вводивших свою администрацию, воздвигавших города и рыцарские замки и стремившихся к превращению местного населения в крепостных крестьян, новгородцы сохраняли на подчинённой территории традиционный уклад жизни, местную племенную администрацию, ограничиваясь лишь сбором небольшой дани¹⁰. В составленной в 1220-х годах Генрихом Латвийским «Хронике Ливонии» прямо говорится об этой особенности новгородской политики:

«Есть обычай у королей русских, покорив какой-либо народ, заботиться не об обращении его в христианскую веру, а о сборе [с него] дани и денег»¹¹.

Таким образом, к первой половине XII века емь была более-менее усмирена и платила дань Новгороду, тогда как сумь, или собственно финны, оставалась независимой¹².

В середине XII века начинается экспансия западноевропейских феодальных государств на Восток. В качестве её идеологического обоснования выдвигалось обращение язычников в христианство. При этом к язычникам зачастую причислялись и те народы, которые исповедовали православие.

В 1153 году Швецию посетил папский легат Николай Альбано, в следующем 1154 году избранный папой под именем Адриана IV. По всей видимости, именно он и стал вдохновителем крестового похода против финнов, предпринятого в 1155 (по другим данным, в 1157) году. Организовал же поход тогдашний шведский король Эрик, впоследствии причисленный католической церковью к лику святых¹³.

Житие святого Эрика рассказывает, что этот монарх предпринял *«крестовый поход за святую христианскую веру и против врагов своего народа, взяв с собой из Упсалы св. Генриха, который был там епископом, и двинулся в Финляндию, которая была в то время языческой и причиняла Швеции много вреда. Тогда св. Эрик принудил там народ воспринять христианскую веру и установить мир с ним. Так как они не хотели принимать ни того ни другого, он сразился с ними и победил их мечом, отмщая мужественно за кровь христианских мужей, которую они так долго и часто проливали...»*¹⁴.

Помимо вполне естественного желания обезопасить себя от набегов суми, а также стремления к распространению католичества, шведами двигало и гораздо менее благовидное намерение захватить новгородские земли. Так, в 1142 году шведская флотилия попыталась ограбить купеческие корабли, шедшие из-за моря в Новгород, однако новгородские купцы сумели

⁶ Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. С. 84.

⁷ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 23.

⁸ Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. С. 87.

⁹ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 23.

¹⁰ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 16.

¹¹ «Est enim consuetudo regum Ruthenorum, ut quamcunque gentem expugnaverint, non fidei christiane subicere, sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subiugare» – Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Л., 1938. С. 341. Перевод приведён по: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 16.

¹² Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 21–23.

¹³ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 50–51, 53.

¹⁴ Там же. С. 51–52.

отбиться, истребив полторы сотни нападающих, и благополучно ушли¹⁵. В том же 1142 году подстрекаемая шведами емь напала на новгородские земли в районе Невы и Приладожья. Нападение было отбито жителями Ладоги, полностью уничтожившими вторгшийся отряд численностью 400 человек¹⁶.

Зимой 1149 года емь повторила свой набег. На этот раз её силы насчитывали до 1000 человек. Узнав о вторжении, новгородцы выслали небольшое войско численностью в 500 ратников. Усиленный воинами из подвластного Новгороду племени воедь, новгородский отряд решительно атаковал незваных гостей, истребив их всех до одного человека¹⁷.

Тем временем, подчинив в результате первого крестового похода племя сумь, шведы вышли непосредственно к границам владений Новгородского княжества. Естественно, русские не могли оставаться к этому равнодушными. Тем более что вскоре новоиспечённые соседи попытались захватить находящийся в устье Волхова русский город Ладогу. Взятие ладожской крепости позволило бы им поставить под свой контроль важнейшую транспортную артерию, отрезав Русь от Балтики.

В середине мая 1164 года, вскоре после начала весенней навигации, шведская флотилия из 55 шнеков прошла из Финского залива через Неву в Ладожское озеро и вошла в устье Волхова¹⁸. Если учесть, что на каждой шнеке было до 100 человек гребцов и воинов¹⁹, общая численность шведского войска доходила минимум до 5 тысяч человек.

Вовремя обнаружив приближение неприятеля, жители Ладоги во главе с посадником Нежатою сожгли посад и укрылись в крепости. Предпринятый 23 мая штурм был отбит с большими потерями для нападавших. Потерпев неудачу, шведы отошли к реке Вороньей, чтобы собраться с силами для нового наступления. Здесь их и настигла новгородская дружина во главе с князем Святославом Ростиславовичем и посадником Захарьей. Состоявшаяся вечером 28 мая битва закончилась полным разгромом шведов. По словам летописца, 43 шнеки из 55 были захвачены, большинство шведских воинов перебиты либо взяты в плен, лишь немногим на 12 шнеках удалось бежать обратно на запад²⁰.

Как и в знаменитой битве на Неве 1240 года, важную роль в успехе русских сыграл фактор внезапности. Во время пятидневной стоянки основная масса шведских воинов сошла на берег. На шнеках оставалась лишь охрана. В результате находившиеся на берегу шведы были застигнуты врасплох, большинство из них не успело добраться до лодок²¹.

Интересно отметить, что в своей вышедшей в 1938 году книге «Suomen varhaiskeskiaika» известный финский историк Ялмари Яккола (впоследствии автор памятки «Восточный вопрос Финляндии», обосновывающей необходимость присоединения к Финляндии Советской Карелии²²) с гордостью утверждал, будто в бесславном походе на Ладогу наряду со шведами принимали участие и финны²³. Как тут не вспомнить высказывание бывшего посла Эстонии в РФ Марта Хельме: «Мы своё место в Европе твёрдо определили на самом деле уже в 1242 году, когда вожди эстонского народа со своими воинами составили большую часть немецкого войска в Ледовом побоище против Александра Невского»²⁴. Некоторые представители «маленьких, но гордых народов» стремятся изо всех сил доказать, что они всегда были на стороне просве-

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. С. 87.

¹⁷ Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. С. 88.

¹⁸ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 62–63.

¹⁹ Там же. С. 41.

²⁰ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 63.

²¹ Там же. С. 63–64.

²² Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5. С. 99.

²³ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 64.

²⁴ Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002. С. 155.

щённой Европы против русских варваров. Больше всего это напоминает восторг лакеев, побитых за компанию вместе с их барином.

Поскольку, в отличие от нынешних российских интеллигентов, жители Новгорода вовсе не горели желанием оказаться приобщёнными к западной цивилизации, шведам и их приспешникам следовало дать достойный отпор. В ответ на непрекращающиеся враждебные действия Новгородское княжество предприняло в последней четверти XII века мощное контрнаступление.

Первый удар был нанесён силами подвластных Новгороду карел. В 1178 году карельское войско захватило центр контролируемой шведами части Финляндии город Ноуси. При этом был взят в плен епископ Рудольф, являвшийся не только духовным, но и светским главой шведских владений. В результате епископ был увезён в Карелию и там убит, Ноуси пришёл в упадок, а епископская резиденция была перенесена в город Або²⁵.

В 1186 году настала очередь еми. «Новгородские молодцы» во главе с боярином Вышатай Васильевичем совершили карательный поход в их землю и благополучно вернулись, «добывши полона»²⁶.

Однако самый сокрушительный удар ожидал шведов в следующем, 1187 году. Он был направлен против важнейшего из тогдашних шведских городов – Сигтуны. Выгодно расположенная на берегу озера Меларен, связанного проливом с Балтийским морем, Сигтуна являлась крупнейшим торговым центром страны. С начала XI века, когда шведские короли приступили к насаждению среди своих подданных христианства, город становится и политическим центром Швеции. Вплоть до начала XII века в нём находилась резиденция епископа. Но и в дальнейшем Сигтуна оставалась крупнейшим городом и политическим центром Швеции²⁷.

Отправившемуся в поход на Сигтуну русско-карельскому войску пришлось преодолеть немало трудностей. Город располагался далеко в глубине озера Меларен, в 60 км от Балтийского моря. Озеро Меларен покрыто множеством островов с неширокими извилистыми проливами. Чтобы добраться до Сигтуны, надо было хорошо знать путь по шхерам с их мелководьем и извилистым фарватером. Город хорошо защищали как искусственные укрепления, так и сама природа. С севера к Сигтуне примыкало непроходимое болото, с востока сухопутные подступы к городу прикрывали два укреплённых замка, к югу лежала гавань, запиравшаяся большой цепью, прикреплённой к двум утёсам. С суши город окружала стена. В довершение всего, водный путь к Сигтуне охранял находившийся в 20 км от города на берегу озера Меларен мощный каменный замок Альмарстек, служивший резиденцией главы шведской церкви архиепископа Упсальского²⁸.

Таким образом, взятие шведской столицы представляло собой труднейшую задачу. Следовало быстро и по возможности незаметно провести по извилистому шхерному фарватеру значительное войско, затем молниеносно развернуть его перед городом и, наконец, преодолеть мощные укрепления. Тем не менее эта задача была блестяще решена. Проводники для прохода через озёрные шхеры нашлись довольно легко. Невзирая на политические осложнения, в предшествующие десятилетия новгородские купцы не прекращали вести оживлённую торговлю со Швецией. Более того, в Сигтуне даже существовал русский торговый двор²⁹.

В результате шведская столица была захвачена и сожжена. Попутно пал и замок Альмарстек, где был убит шведский архиепископ Иоанн II. Сигтуну разрушили настолько основа-

²⁵ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 66–71.

²⁶ Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. С. 89.

²⁷ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 75–77.

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 76–77.

тельно, что этот город уже больше не поднялся. Вместо него шведы выстроили свою нынешнюю столицу Стокгольм³⁰.

Следует сказать, что сегодня официальные шведские историки, а также некоторые российские авторы из числа прозападной интеллигенции пытаются приписать взятие Сигтуны эстам. Мотивы их понять нетрудно. Если окажется, что вместо русских варваров шведскую столицу разрушили предки нынешних новоиспечённых членов НАТО и Евросоюза, это вроде бы не так уж и обидно.

Увы, этой версии мешает чрезвычайно весомое вещественное доказательство участия новгородцев в походе – врата, украшенные бронзовыми барельефами. Эти врата новгородцы вывезли из Сигтуны и приделали к входу в новгородский храм Святой Софии, где они и находятся до сих пор³¹.

Чтобы объяснить это противоречие, западные историки пускаются во все тяжкие. Например, высказывают версию, будто эти ворота были не захвачены, а куплены. Однако поскольку врата являются исключительно ценным предметом католического церковного культа, невозможно предположить, чтобы католики продали их неверным «схизматикам». Ещё более фантастическим выглядит предположение, будто новгородцы могли заказать у католиков украшение для своей главной святыни. Тем более что ряд изображений на вратах неприемлем в качестве оформления православного собора³².

Совсем уж заварильную версию выдвинул известный российский писатель Александр Бушков. По его мнению, разграбившие Сигтуну эсты на обратном пути встретились с новгородскими ушкуйниками. После чего, согласно Бушкову, *«последовало морское сражение, в результате которого эстов чувствительно потрепали и отобрали у них кучу добра, в том числе и вышеупомянутые врата, которые торжественно установили в Новгороде»*³³.

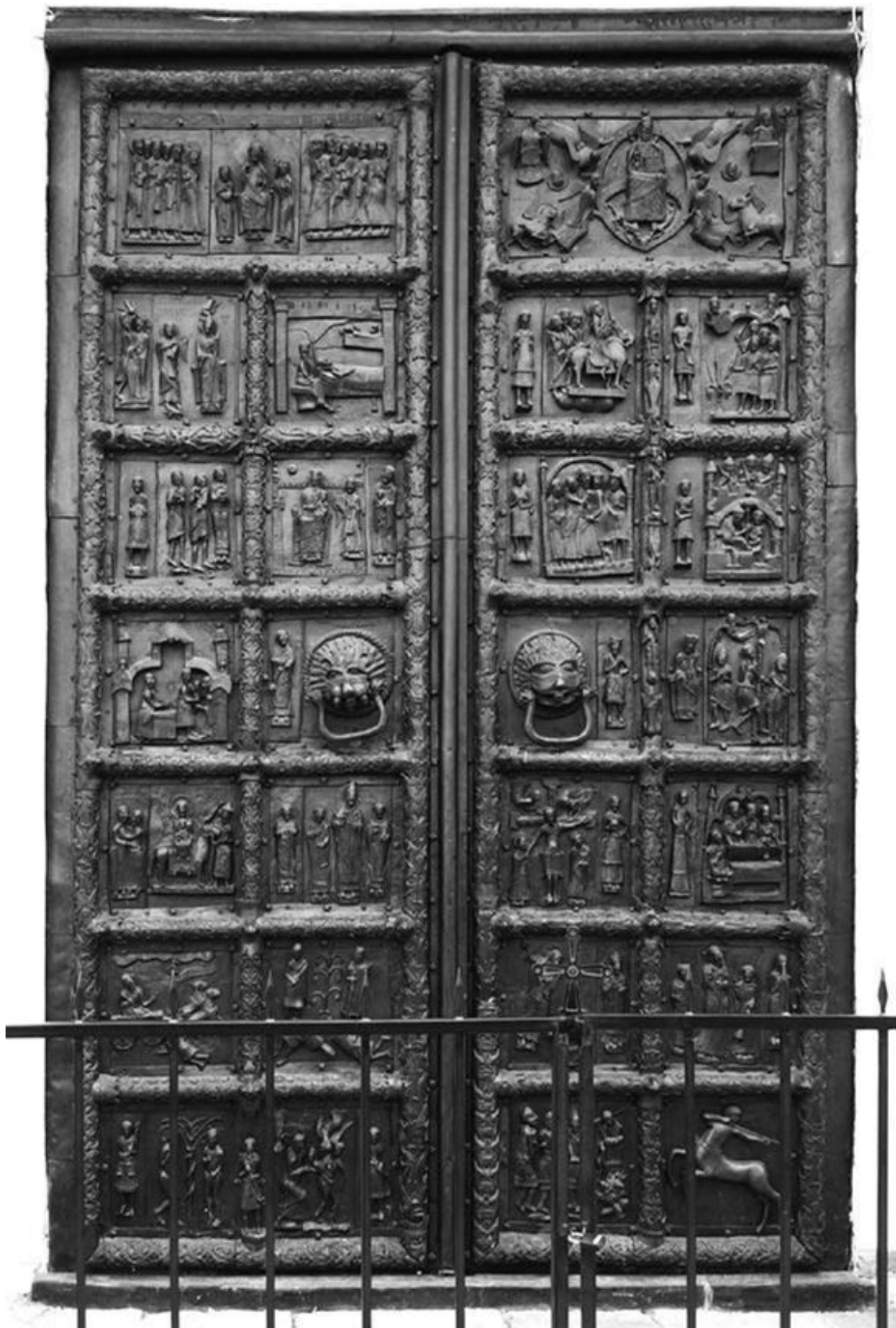
Что можно сказать по этому поводу? Во-первых, у эстов не было такой возможности. Как уже отмечалось выше, для того чтобы прорваться сквозь шхеры озера Меларен к городу, нужно было иметь сильный флот, а для взятия и разрушения столь крупного города нападающие должны были обладать значительным войском. Ничего похожего у малочисленных эстонских племён не имелось. Наконец, для того чтобы быстро и неожиданно пройти по озёрному фарватеру, нападающим следовало иметь людей, хорошо его знающих, неоднократно совершавших ранее этот путь. Ничем этим предки нынешних эстонцев не располагали. Во-вторых, совершенно непонятно, зачем им понадобилось предпринимать такую сложную и опасную экспедицию. Для обычного грабежа можно найти более близкую и лёгкую цель, а мстить шведам эсты тогда причин не имели.

³⁰ Там же. С. 79–85.

³¹ Там же. С. 96–97.

³² Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 97–98.

³³ Бушков А. А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М.; СПб.; Красноярск, 1997. С. 23.

Сигунские врата Софийского собора Великого Новгорода

Наконец, обратимся к первоисточникам. В составленной в начале XIV века рифмованной «Хронике Эрика» насчёт взятия Сигтуны говорится следующее:

«Швеция имела много бед от карел и много несчастий.
Ониплыли от моря и вверх в Мелар
и в штиль, и в непогоду, и в бурю,
тайно проплывая внутри шведских шхер,
и очень часто совершали здесь грабежи.

Однажды у них появилось такое желание,
что они сожгли Сигтуну,
и жгли всё настолько до основания,
что этот город уже не поднялся.

Ион архиепископ был там убит,
этому многие язычники радовались,
что христианам пришлось так плохо,
это радовало землю карел и руссов»³⁴.

У либеральных сограждан эти строки могут вызвать когнитивный диссонанс. Начиная с XIX века считалось хорошим тоном изображать наших предков в виде юродивых непротивленцев злу, этаких незлобивых платонов каратаевых. И вдруг выясняется, что древние русичи жгли и грабили соседей! А не покаяться ли перед шведами?

Сомнения в «авторстве» взятия Сигтуны вызваны ещё и тем, что русские старались не афишировать своё участие в походе. Как я уже говорил, невзирая на продолжающиеся военные столкновения, торговля между Новгородом и Швецией не прекращалась. Стараясь сохранить эти торговые связи, новгородские власти попытались скрыть свою причастность к нападению на Сигтуну.

Однако эти старания оказались тщетными. В отличие от современных горе-историков, тогдашние шведы прекрасно знали, кто именно разрушил их столицу. Сразу же после похода местные власти на острове Готланд и в двух шведских материковых городах бросили в тюрьму находившихся там новгородских купцов. В ответ новгородцы прервали торговые сношения с Готландом. Русским купцам, ведшим заморскую торговлю, было запрещено отправляться за море. Разрыв торговых отношений продолжался вплоть до 1201 года, после чего был заключён новый договор на новгородских условиях³⁵.

Тем временем русичи продолжали наступательные действия. В Новгородской летописи под 1191 год содержится сообщение о совместном походе новгородцев и карел на емь: «*Ходиша новгородьци с корелою на емь и воеваша землю их, и пожьгоша, и скот исекоша*»³⁶. В задачи этой карательной экспедиции входили пресечение разбойничьих набегов и восстановление новгородской власти над емью.

Наконец, в 1198 году следует новый сокрушительный удар. Высадившись в центре шведских владений, новгородские дружины вместе с примкнувшими к ним карелами прошли по немногочисленным ещё тогда шведским селениям на береговой полосе земли племени сумь, уничтожая вражеские пункты и укрепления. При этом была взята и разрушена столица шведской части Финляндии город Або и убит очередной епископ Финляндии Фольквин, возглавлявший шведскую оккупационную администрацию³⁷.

³⁴ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 82.

³⁵ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 101–105.

³⁶ Кочуркина С. И. Корела и Русь. Л., 1986. С. 108.

³⁷ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 116.

Нанесённый удар оказался настолько силён, что шведская колония не могла оправиться в течение 20 лет. Как сокрушался по этому поводу финский историк середины XIX века Габриэль Рейн, *«то, что в течение полувека было сделано апостолами христианства, было этим нападением полностью разрушено, и работа должна была начинаться заново»*³⁸.

В результате католические иерархи были полностью деморализованы, о чём свидетельствует булла папы Иннокентия III от 30 октября 1209 года:

«Страна Fialanda, которая с помощью Бога и стараниями нескольких славных мужей была обращена в христианство, после смерти предшествующего епископа никакого епископа не получила, потому что как вследствие новизны [церковного] насаждения, так и вследствие упорства населения и суровости климата тот, кто назначается туда, принимает на себя не почётное звание, а мученический венец»³⁹.

И действительно, зная, что первый епископ Финляндии святой Генрих был убит самими финнами⁴⁰, а следующие два его преемника приняли смерть от рук новгородцев и их союзников, шведские церковники откровенно боялись идти на тяжёлый и опасный пост, не суливший выгод и почестей, но определённо обещавший рано или поздно «мученический венец». Как справедливо отмечалось далее в папской булле, *«обычно никто не стремится занять этот пост, если он не зажжён духом божественного слова и не стремится мученически страдать во имя Христа»*⁴¹. Однако желающих «мученически пострадать» среди католического духовенства почему-то не нашлось, и епископская кафедра пустовала два десятилетия.

Казалось бы, осталось совсем немного. Ещё одно усилие, ещё один поход, ещё один завершающий удар, и шведы будут сброшены в Ботнический залив. Однако этот удар так и не был нанесён. Сыграли свою роль недостатки пресловутой новгородской вечевой демократии. Заправлявшие в городе крупные торговцы вели близорукую политику, увлекаясь сиюминутной выгодой. Борьба против шведского наступления в Финляндии происходила в значительной мере в форме малых походов новгородских военных отрядов. К тому же зачастую эти отряды действовали не по приказу новгородских властей, а по собственной инициативе⁴². Правь в Новгороде энергичный и решительный князь вроде Александра Невского, история могла бы сложиться по-другому.

К тому же вскоре нашим предкам стало не до шведов, поскольку возле русских рубежей появились более сильные и опасные враги. В первые годы XIII века начинается наступление немецких рыцарских орденов на земли Прибалтики. Продвижение немцев в Эстонию вынудило Новгород сосредоточить основное внимание и силы для защиты этой давней и очень важной сферы русского влияния, лежавшей у самых пределов собственной территории Новгородской земли⁴³. Затем следует опустошительное татаро-монгольское нашествие, которое хотя и не затронуло непосредственно Новгород, однако лишило его поддержки из центральных русских княжеств. В результате на северо-западном театре военных действий русским пришлось перейти к обороне.

Отказ от дальнейших наступательных походов не позволил Новгородскому государству использовать плоды выдающихся побед, достигнутых им в борьбе со Швецией. Владения шведов в Финляндии могли быть в первые годы XIII века полностью ликвидированы, но новго-

³⁸ Там же. С. 116–117.

³⁹ Там же. С. 117.

⁴⁰ Там же. С. 56–57.

⁴¹ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 117.

⁴² Там же. С. 19.

⁴³ Там же. С. 120.

родцы после первоначальных успехов прекратили активные действия, и шведская колония смогла пережить этот кризис⁴⁴.

⁴⁴ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 117.

Глава 2

Русь теряет Финляндию

Ту страну, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял.
Хроника Эрика

Подходящий кандидат на пост финляндского епископа, не страшщийся безвременно принять «мученический венец» за католическую веру и шведскую власть, отыскался лишь к концу второго десятилетия XIII века. Им стал англичанин Томас, бывший каноник Упсальского собора⁴⁵. Новый епископ сразу же проявил себя способным организатором. Одновременно с укреплением шведской власти над сумью Томас начал вести широкомасштабную католическую пропаганду среди еми. Под его руководством шведские миссионеры сумели склонить большую часть этого финского племени, в первую очередь правящую верхушку, к принятию католичества⁴⁶.

В результате в середине 1220-х годов емь вновь выходит из повиновения Новгороду. Возглавлявший новгородскую внешнюю политику князь Ярослав Всеволодович хорошо понимал, какую опасность это представляет. Решено было прибегнуть к самым крутым и решительным мерам, чтобы восстановить зависимость отпавших областей от Новгорода. С этой целью зимой 1226/27 года был предпринят очередной карательный поход. Перейдя по льду Финский залив, князь Ярослав со своей дружиной прошёл через всю землю еми, достигнув самых отдалённых местностей, ещё не видавших русских воинов. Новгородцы предали суровому наказанию непокорные области, захватив множество пленных⁴⁷.

Чтобы обезопасить от шведского влияния прилегающие к земле еми западные области Карелии, Ярослав в том же 1227 году прибег к такой чрезвычайной мере по укреплению русской власти над этими территориями, как массовое крещение корелы в православие⁴⁸.

Однако, несмотря на военный успех, Ярославу не удалось восстановить политическую зависимость еми от Новгорода. Как только новгородские войска ушли, большая часть племени снова вышла из повиновения. В 1228 году около 2000 воинов еми отправились в набег на русские сёла, чтобы отомстить за карательный поход. Посадник Ладоги Владислав, не дожидаясь подхода новгородцев, вступил в бой. С наступлением ночи битва временно прекратилась. Емь запросила мира, но ладожане ответили отказом. Изрубив захваченных ранее пленников, емь бросилась бежать в лес. Ладожане истребили большое число бегущей еми, а лодки их сожгли. Остатки разбитой еми добивали корела и ижора⁴⁹.

Тем временем информация о происходящем в далёкой Финляндии дошла до папского престола. Получив письмо епископа Томаса, в котором тот жаловался на русских и просил о помощи, папа Григорий IX решил подвергнуть Новгород торговой блокаде. Глава католической церкви имел все основания полагать, что эта мера окажется действенной и у новгородского купечества жажда наживы перевесит патриотизм. Ведь когда буквально накануне, в 1228 году, Ярослав Всеволодович попытался организовать поход на Ригу, правящая верхушка Нов-

⁴⁵ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 130.

⁴⁶ Там же. С. 131–133.

⁴⁷ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 134.

⁴⁸ Там же. С. 136–137.

⁴⁹ Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 90–91; Кочуркина С. И. Корела и Русь. Л., 1986. С. 109.

города и Пскова дружно выступила против князя, не желая нарушать налаживающиеся торговые связи с рижскими немцами⁵⁰.

В булле от 23 января 1229 года, адресованной рижскому епископу, пробсту (настоятелю собора – *И. П.*) рижской соборной церкви и аббату Дюнамюнде, папа потребовал принять меры, чтобы купцы под угрозой предания анафеме прервали торговлю с русскими *«до тех пор, пока последние не прекратят все враждебные действия против новоокрещённых финнов»*⁵¹.

27 января Григорий IX послал сразу две буллы с аналогичными требованиями. Первая из них была отправлена епископу Любекскому, вторая – шведскому епископу Линчёпингскому, которому подчинялся в церковном отношении Готланд, аббату римского цистерцианского аббатства на Готланде и пробсту соборной церкви в Висбю. 16 февраля последним трём адресатам была отправлена новая булла⁵². Необходимость введения «санкций» против Новгорода мотивировалась тем, что *«...русские, которые живут с ними (финнами – И. П.) по соседству, питают к ним огромную ненависть, потому что они приняли католическую веру, часто в ярости нападают на них и принимают все, какие могут, меры к их упадку и гибели...»*⁵³.

Таким образом, Григорий IX рассчитывал прекратить всю европейскую торговлю с Новгородом и Северной Русью, шедшую по морю через Любек и Готланд, через Финский и Рижский заливы. Запрет распространялся на торговлю оружием, железом, медью, свинцом, лошадьми и продовольствием⁵⁴. Контролировать ведение торговой блокады должны были церковные руководители всех торговых центров на берегах Балтийского моря.

Была ли в действительности осуществлена объявленная главой католической церкви торговая блокада Новгорода, из источников неизвестно. Исследователи вполне резонно высказывают сомнения, что эта мера была реализована на практике – слишком важна и выгодна была торговля с Новгородом для купцов Ганзы и Готланда.

Что же касается дружбы еми со шведами, то она оказалась весьма недолговечной. Пока последние ограничивались распространением христианства, всё было хорошо. Однако стоило шведам от религиозной пропаганды перейти к установлению политического господства, как в умонастроениях еми тут же произошёл крутой поворот. Ещё бы! Местная племенная знать надеялась воспользоваться покровительством шведов, чтобы выйти из-под власти Новгорода. В результате же, избавившись от «русских оккупантов», маленький, но гордый народ оказался под гораздо более тяжёлой властью «освободителей». Население стали облагать повинностями, принуждать к уплате десятины и поборов в пользу священников и епископов, а возможно, и заставляли строить церкви. В ответ вспыхнуло массовое восстание против шведов⁵⁵.

О том, что при этом творилось, можно судить из текста буллы Григория IX от 9 декабря 1237 года, адресованной главе шведской церкви архиепископу Упсальскому Ярлеру:

«Как сообщают дошедшие до нас ваши письма, народ, называемый тавастами (шведское название еми – *И. П.*), который когда-то трудом и заботами вашими и ваших предшественников был обращён в католическую веру, ныне стараниями врагов креста, своих близких соседей, снова обращён к заблуждению прежней веры и вместе с некоторыми варварами, и с помощью дьявола с корнем уничтожает молодое насаждение церкви Божией в Тавастии. Малолетних, которым при крещении засиял свет Христа, они, насильно этого света лишая, умерщвляют; некоторых взрослых, предварительно вынув из них

⁵⁰ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 124.

⁵¹ Там же. С. 150–151.

⁵² Там же. С. 151.

⁵³ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 135.

⁵⁴ Там же. С. 151.

⁵⁵ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 139–140.

внутренности, приносят в жертву демонам, а других заставляют до потери сознания кружиться вокруг деревьев; некоторых священников ослепляют, а у других из их числа жесточайшим способом перебивают руки и прочие члены, остальных, обернув в солому, предают сожжению; таким образом, яростью этих язычников владычество шведское ниспровергается, отчего легко может наступить совершенное падение христианства, если не будет прибегнуто к помощи Бога и его апостолического престола»⁵⁶.

Пытаясь выгородить своих предков, кое-кто из современных финских историков выражает сомнение в достоверности этой картины. Дескать, подобные жестокости финнам несвойственны, а все перечисленные в булле зверства были придуманы папской канцелярией, заимствовавшей их из средневековой церковной литературы. С этим мнением нельзя согласиться, поскольку процитированная часть буллы является прямым пересказом или даже дословной передачей послания архиепископа Упсальского, которое, в свою очередь, базировалось на сведениях, поступивших в Упсалу из Финляндии от епископа Томаса. Таким образом, сведения буллы исходили из достаточно достоверных источников⁵⁷.

Описав творимые емью зверства, папа призвал свою паству к крестовому походу против финских отступников и помогающих им русских варваров:

«Но, чтобы с тем большей охотой поднялись бы мужи богобоязненные против наступающих отступников и варваров, которые церковь Божию столь великими потерями привести в упадок жаждут, которые веру католическую с такой отвратительной жестокостью губят, поручаем братству вашему апостолическим посланием: где бы только в означенном государстве или соседних островах ни находились католические мужи, чтобы они против этих отступников и варваров подняли знамя креста и их силой и мужеством изгнали, по побуждению благодетельного учения»⁵⁸.

Как и крестоносцам, отправлявшимся в Палестину, участникам предстоящего похода было обещано отпущение грехов⁵⁹.

Однако вскоре произошли события, заставившие папскую курию пересмотреть свои планы. Татарское нашествие 1237–1238 гг. существенно изменило соотношение сил в этой части Европы. Хотя сами Новгород и Псков не были затронуты татарами, жесточайший удар, нанесённый всей стране, не мог не сказаться и на северных русских землях. Невзирая на феодальную раздробленность, за спиной Новгорода стояла вся Русь. В трудную минуту на помощь новгородцам всегда приходили полки из других русских княжеств. Теперь же обескровленные и разорённые центральные русские земли уже не могли оказать помощь Новгороду в его борьбе с силами католического мира.

Стоит ли удивляться, что у организаторов крестового похода возник соблазн покончить с главным противником. В результате вместо удара по дальней периферии Новгородского государства, каковой являлась земля еми, уже готовившаяся шведами военная экспедиция была перенацелена непосредственно на русские земли.

Для покорения русских варваров папский престол постарался собрать все имевшиеся в его распоряжении силы. В 1234 году папским легатом в Прибалтике становится кардинал Вильгельм Сабинский. В его легатскую область была включена и Финляндия. Выполняя поручение папы Григория IX, Вильгельм занялся примирением католических государств, борющихся за

⁵⁶ Там же. С. 141.

⁵⁷ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 141–142.

⁵⁸ Там же. С. 141.

⁵⁹ Там же. С. 146.

обладание Прибалтикой, чтобы направить их совместные усилия на завоевание русской земли и подчинение её католической церкви.

В 1237 году при участии папской курии было произведено объединение ливонского Ордена меченосцев с Тевтонским орденом, владевшим Пруссией. В следующем году под давлением легата Вильгельма был заключён Стенбийский договор, по которому немецкий орден должен был возвратить Дании отобранную у неё 10 лет назад северную Эстонию. Кроме того, датский король Вальдемар получал право на 2/3 всех земель, которые будут завоёваны на востоке. Таким образом, Стенбийский договор прямо предусматривал в ближайшем будущем совместный поход немцев и датчан против Новгорода⁶⁰.

Итак, летом 1240 года в русские пределы в очередной раз вторглись незваные гости из Западной Европы. В середине июля шведский флот вошёл в Неву, в августе на русские земли вступили немецкие войска, усиленные отрядом датчан⁶¹.

Захватом берегов Невы и Ладоги шведы собирались достичь сразу двух целей: во-первых, взять под свой контроль важнейшую артерию новгородской торговли – путь из Волхова через Неву в Финский залив, во-вторых, отсечь Новгород от Карелии и Финляндии.

Согласно летописи, на Неву пришли «*свеи в силе велице и мурмане* (т. е. норвежцы – И. П.) *и сумь и емь*»⁶². Таким образом, костяк войска составляли шведы. Невзирая на напряжённые отношения между Швецией и Норвегией и идущую в это время в Норвегии междоусобную борьбу, в крестовом походе приняло участие некоторое количество норвежских рыцарей со своими вооружёнными слугами⁶³. Выставило отряд и племя сумь, уже давно находившееся под властью шведов. Что же касается племени емь, против которого первоначально и готовился крестовый поход, то из него в шведском войске могло находиться лишь незначительное число тех, кто сохранил верность своим хозяевам⁶⁴.

Одержимые лакейскими комплексами националистически настроенные финские историки пытаются всячески приукрасить роль, сыгранную их предками в этом бесславном мероприятии. Так, если верить уже упоминавшемуся мной Якколе, поход 1240 года стал результатом «*давно лелеявшейся в Финляндии мечты*», а финны были почти что равноправными его участниками⁶⁵.

Начиная с Карамзина, среди русских историков укоренилось мнение, будто шведское войско возглавлялось ярлом Биргером. Позднее эту версию некритически восприняли многие советские авторы⁶⁶. Однако как показал историк И. П. Шаскольский, должность ярла Швеции в это время занимал не Биргер, а его двоюродный брат Ульф Фаси. Биргер же стал ярлом лишь 18 февраля 1248 года⁶⁷. Кроме того, в первоначальном тексте летописи имя предводителя шведского войска вообще не указано, имя Биргера появляется лишь в позднейшей вставке⁶⁸.

Таким образом, предводителем пришедшего на Неву войска, вероятнее всего, являлся Ульф Фаси. Впрочем, в отсутствие короля шведским морским ополчением не обязательно командовал ярл. Его мог возглавить начальник (*forman*), назначенный королём вместо себя⁶⁹. И

⁶⁰ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 153–154.

⁶¹ Там же. С. 156.

⁶² Там же. С. 160.

⁶³ Там же. С. 162.

⁶⁴ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 163–164.

⁶⁵ Там же. С. 168–169.

⁶⁶ См. например: Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. С. 92–93.

⁶⁷ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 177.

⁶⁸ Там же. С. 172.

⁶⁹ Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 226.

разумеется, Биргер вполне мог участвовать в экспедиции не в качестве главнокомандующего, а в более скромной роли, как один из знатных шведских феодалов⁷⁰.

Стремясь как можно раньше остановить движение вражеских сил вглубь страны, князь Александр, не дожидаясь помощи от отца, великого князя Ярослава, а также сбора ополчения с Новгородской земли, немедленно выступил в поход со своей дружиной, к которой присоединилось некоторое количество новгородцев. В состав русского войска вошло наскоро собранное ополчение ладожан⁷¹. Кроме того, по всей видимости, на стороне русских в Невской битве участвовали ижорцы и карелы⁷².

Тем временем крестоносцы расположились лагерем на правом берегу Ижоры у впадения её в Неву. На берегу были раскинута шатры рыцарей, остальная часть войска оставалась на шнеках.

Поскольку шведы располагали значительным численным превосходством, очень важно было использовать фактор внезапности, и это блестяще удалось. Произведённое 15 июля 1240 года нападение застало шведское войско врасплох. В результате незваные гости понесли тяжёлые потери. Было убито множество знатных шведских воинов, в том числе один из военачальников. Кроме того, по сведениям некоторых участников боя, погиб и один из сопровождавших крестоносное воинство епископов.

С наступлением темноты сражение прекратилось. К сожалению, для полного разгрома и уничтожения противника у Александра Ярославича оказалось недостаточно сил. В результате разбитое шведское войско осталось на поле сражения, а русские дружины отошли от поля боя на отдых.

Оценив размеры потерь, шведское командование поняло, что поход потерпел провал. Следовало позаботиться о своих убитых, а затем уносить ноги. Тела знатных воинов погрузили на два или три корабля и пустили эти суда вниз по течению Невы. Для погребения погибших простых воинов шведы выкопали большую братскую могилу, куда было положено трупов «бецисла». Затем, не дожидаясь наступления утра, остатки шведского войска погрузились на корабли и бежали за море.

Победа над превосходящим по численности противником была достигнута малой кровью. Из новгородцев и ладожан погибло всего лишь 20 человек⁷³.

Провал крестового похода против Новгорода подорвал военный престиж Швеции. Ободрённая этим емя принялась ещё сильнее сопротивляться попыткам навязать ей католичество и шведскую власть. Недаром уже упоминавшийся епископ Томас, покинув в 1245 году пост епископа Финляндии, счёл слишком опасным оставаться среди своей бывшей паствы и отправился доживать свои дни на остров Готланд «из страха перед русскими и карелами», где и умер в 1248 году в Висбю⁷⁴.

Для подчинения еми требовалось организовать очередной крестовый поход. Этим занялся всё тот же папский легат Вильгельм Сабинский. Прибыв в Швецию в октябре 1247 года, чтобы в качестве представителя папского престола разрешить ряд коренных вопросов шведской церковной жизни, кардинал Вильгельм в феврале 1248 года созвал церковный собор в Шенинге. За десять месяцев своего пребывания в стране папский легат неоднократно встре-

⁷⁰ Рассказывая о Невской битве, русские летописи упоминают о некоем королевиче, за которым безуспешно гонялся отличившийся в битве Гаврила Олексич. Поскольку у тогдашнего шведского короля Эрика сыновей не было, возникает предположение, не имеется ли здесь в виду молодой Биргер, являвшийся, как известно, королевским зятем.

⁷¹ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 189–190.

⁷² Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. С. 93.

⁷³ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 190–195.

⁷⁴ Там же. С. 200.

чался с королём Эриком и с его зятем Биргером, только что получившим должность ярла Швеции. Во время этих переговоров и был решён вопрос о походе на емь⁷⁵.

К середине 1249 года военные приготовления были завершены, и осенью крестоносцы выступили в поход. Возглавивший его Биргер фактически являлся правителем государства, будучи женатым на сестре короля. Вскоре его положение ещё более упрочилось, так как после смерти Эрика в феврале 1250 года новым шведским королём был избран семилетний сын Биргера Вальдемар⁷⁶.

Высадившись на побережье, крестоносное войско двинулось во внутренние области страны, к центральным финляндским озёрам, где в течение нескольких месяцев вело борьбу с емью. Плохо вооружённые и не имевшие строгой военной организации местные жители не могли долго сопротивляться наступлению шведских рыцарей. Зимой 1250 года земля еми была покорена⁷⁷.

Одновременно с подавлением сопротивления происходило массовое принудительное крещение еми в католическую веру. Как сказано об этом в «Хронике Эрика»,

«всякому, кто подчинялся им,
становился христианином и принимал крещение,
они оставляли жизнь и добро
и позволяли жить мирно,
а тех, язычников, которые этого не хотели,
предавали смерти»⁷⁸.

Для закрепления завоёванной территории Биргер основал там сильную крепость – замок Тавастхуст. Одновременно в основных стратегических пунктах началось расселение шведских колонистов. Колонистам и церкви отвели лучшие земли, отнятые у местных жителей⁷⁹.

Таким образом, в результате второго крестового похода шведы подчинили емь, обратив это племя в католичество. Как сказано по этому поводу в «Хронике Эрика»,

«ту страну, которая была вся крещена,
русский князь, как я думаю, потерял»⁸⁰.

И действительно, финскую землю мы потеряли надолго. Лишь в 1809 году она вернулась в состав России.

Успеху крестового похода в значительной степени способствовало отсутствие Александра Невского. В 1247 году князь Александр отправился в Монголию, к великому хану, и вернулся в Новгород лишь в 1250 году, когда земля еми была уже покорена шведами⁸¹.

Захват Швецией земли еми привело к установлению непосредственной границы между шведскими владениями и западной Карелией – частью основной территории Новгородского княжества.

⁷⁵ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 201–202.

⁷⁶ Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции... С. 208; Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 198.

⁷⁷ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 204.

⁷⁸ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 36.

⁷⁹ Там же. С. 204–205.

⁸⁰ Там же. С. 23, 206.

⁸¹ Там же. С. 206.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.